

А раз оно так, то анархическому обществу нечего будет бояться неизвестного Ротшильда, который явился бы вдруг и поселился в его среде. Если каждый член общества будет знать, что после нескольких часов производительного труда он будет иметь право пользоваться всеми наслаждениями, доставляемыми цивилизацией, всеми удовольствиями, которые дает человеку наука и искусство, он не станет продавать за ничтожную плату свою рабочую силу. Для обогащения такого Ротшильда не найдется нужной бедноты. Его деньги будут не больше как куски металла, пригодные для разных поделок; но плодиться и рожать новые золотые и серебряные кружки они больше не смогут.

***

Этот ответ на возражение определяет вместе с тем и пределы экспроприации. Экспроприировать - взять назад в руки общества - нужно все то, что дает возможность кому бы то ни было - банкиру, промышленнику или землевладельцу - присваивать себе чужой труд. Оно просто и понятно.

Мы вовсе не хотим отнимать у каждого его пальто, но мы хотим отдать в руки рабочих все - решительно все, что дает возможность кому бы то ни было их эксплуатировать. И мы сделаем все от нас зависящее, чтобы никто не нуждался ни в чем и чтобы, вместе с тем, не было ни одного человека, который был бы вынужден продавать свою рабочую силу, чтобы обеспечить существование свое и своих детей.

Вот что мы понимаем под экспроприацией и вот как мы смотрим на наши обязанности во время революции - революции, до которой мы надеемся дожить не через сто лет, а в недалеком будущем.

III

Анархические идеи вообще и идея экспроприации в частности встречаются среди людей независимых и среди людей, которые не считают праздность высшею целью жизни, гораздо больше сочувствия, чем обыкновенно думают. «Но берегитесь, - часто говорят нам такие друзья, - не заходите слишком далеко; человечество не меняется в один день, и не следует слишком торопиться с вашими планами экспроприации и анархии. Вы рискуете таким образом не добиться никаких прочных результатов».

По отношению к экспроприации если мы чего боимся, то уже во всяком случае не того, чтобы люди зашли слишком далеко. Мы боимся, наоборот, что экспроприация произойдет в слишком незначительных размерах для того, чтобы быть прочною, что революционный порыв остановится на полдороге, что он разменывается на мелочи, на полумеры. Полумеры же никого не удовлетворят, а только произведут в обществе очень сильное потрясение и нарушат его обычное течение, но окажутся в сущности мертворожденными, как все полумеры, и, не вызвав ничего кроме всеобщего недовольства, приведут неизбежно к торжеству реакции.

Дело в том, что в нашем обществе существуют известные установившиеся отношения, которые совершенно невозможно изменять по частям. Все части того механизма, который представляет собою наше хозяйственное устройство, так тесно связаны между собою, что невозможно дотронуться до одной из них, не затронув вместе с тем всего остального. В этом убедятся революционеры при первой же попытке экспроприировать что бы то ни было.

Представим себе, что в какой-нибудь местности происходит такая частичная, ограниченная экспроприация; что экспроприируют, например, крупных земельных